

А.П. Кривошей

**Козацкие войны раннего Нового времени:
подходы к проявлению женского опыта
(на примере украинской историографии XIX - начала XX века)**

История козацких войн второй половины XVI – первой половины XVII века одна из самых тяжелых для осмысления страниц украинской истории женской повседневности¹ раннего Нового времени. Проблематичность эта объясняется сразу несколькими причинами. Во-первых, в украинской историографии XIX в. был сформирован «официальный» концепт исторической памяти относительно опыта участия женщин в военных действиях². Социально одобряемым сюжетом истории запорожского козацкого войска стало утверждение о том, что козакам-запорожцам (воинам) запрещалось не только заводить семьи, но и приводить женщин в Сич (укрепленный военный лагерь), будь она сестрой или даже матерью³. Во-вторых, складывающаяся в постсоветском пространстве культурная память о войне продолжает эксплуатировать тезис о том, война исключительно мужское занятие⁴, а женщины «всегда выступали в качестве пассивной жертвы, военной добычи, в лучшем случае - долготерпеливой Пенелопы или плачущей Ярославны...»⁵.

Между тем, сражения в результате которых женщины становились «военной добычей» это составляющая (наиболее видимая) часть войны, в гораздо большей степени война, по мнению Барбары Эренрайх, состоит из подготовки к сражению⁶ - обучения воинов, изготовления оружия, боеприпасов, амуниции, мобилизации воинов и средств передвижения, организации поставок вооружения и продовольствия, расквартирования личного состава, и т. д.

Мобилизации в армию, потери родных и близких, установление

¹ Женская повседневность (**Frauenalltag** нем.) понимается автором как обычный и привычный ход жизни первой реальности, на основе которой возникают все остальные составляющие женской жизнедеятельности, «малый жизненный мир» ординарной женщины в котором она живет и взаимодействует с другими людьми. Речь идет об условиях жизни, труда, отдыха, обучения, быта, рациональном питании, обстоятельствах проживания, лечения, социальной адаптации, поведенческих реакциях, социально - политических предпочтениях, восприятии событий истории сквозь призму сознания индивидуума или отдельной социальной группы и т.д. См.: *Пушкарева Н.* «История повседневности» как направление исторических исследований [Электронный ресурс]: http://www.perspektivy.info/history/istorija_povsednevnosti_kak_napravlenije_istoricheskikh_issledovanij_2010-03-16.htm.

² «Безбрачный», скептически настроенный к женщине козак в шароварах и вышиванке, в воображении украинского социума, сначала стал идеалом, а дальше - неоспоримым «украинским архетипом мужчины» и основной частью маскулинизированной модели украинского общества. В таком идеале мужчины, по мнению нескольких поколений украинских гуманитариев, отразилась вся украинская история, а особенно история XVII века. См.: *Кривошей О.* Жінка зі зброєю на сторінках військової історії України XVI - першої половини XVII ст. Контексти прояву // Воєнна історія Наддніпрянщини та Донщини. Збірник наукових праць / За заг. ред. канд. іст. наук. полковника Карпова В.В. - К., 2011. - С. 70-78.

³ *Кривошей О. П.* «Жіночє» в культурному просторі козацького Запорожжя: історіографічний дискурс другої половини XIX - початку XX ст. // Мандрівець. 2013. - № 3 - С. 18.

⁴ *Орлова Т. В.* Жінка в історії України (вітчизняна історіографія XX – початку XXI ст.) – К.: Логос, 2009. – С. 368.

⁵ *Сенявская Е. С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России - М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. - С. 160.

⁶ *Эренрайх Барбара* О биологии войны / Барбара Эренрайх // Гендерные исследования. - 2004. - №10. - С. 63.

соответствующих режимных норм, потеря имущества, жилища, вынужденные миграции, насилие оккупантов - все это резко меняет не только привычный жизненный ритм, нарушает устоявшиеся социальные связи⁷, но и переориентирует как мужчин, так и подавляющее большинство женщин на новые ценности, среди которых на первое место выходит сохранение жизни. Становится очевидным, что речь идет не только о переориентации психологии втянутых в военное противостояние мужчин и женщин, но и о комплексе их повседневно-бытовых реалий в которых основную (нормирующую и формирующую) роль играет военный фактор⁸.

Под его влиянием формируются особая психология и особая (кризисная) повседневность мужчин, женщин, стариков, детей, социальных» групп, отдельных личностей и маргиналов⁹ (шпионо(к)в, диверсанта(к)в, мародеро(к)в, дезертиров, военнопленных, коллаборационист(к)в). «Жизненные миры»¹⁰ втянутых в военное противостояние мужчин и женщин приобретают особые (кризисные) черты и формы, формируя, таким образом, мужскую и женскую повседневность военной эпохи (военную повседневность)¹¹ в которой эти мужчины и женщины определенное время живут и взаимодействуют с другими людьми¹².

Женская повседневность военной эпохи представляет собой «историческую реальность», состоящую из двух взаимосвязанных «макро-историй» - фронтовой повседневности - комплекса повседневно-бытовых реалий «женщин-воинов», «женщин с оружием», «воюющих женщин», принимающих непосредственное участие в войнах, революциях и разного рода вооруженных локальных конфликтах и *тыловой повседневности* женщин - комплекса повседневно-бытовых реалий, которые эти войны, революции и вооруженные локальные конфликты сопровождали¹³. «Названные выше макроструктуры (макро-истории), в свою очередь, состоят из структур низшего уровня (микро-историй) - природа, ландшафт, оружие, питание, одежда, отдых, средства гигиены, прически, музыка, песни, и т. д..

В данной статье я собираюсь рассмотреть и проанализировать некоторые публикации украинских историков XIX - начала XX века в которых отображены сценарии женского опыта участия в козацких войнах, революциях и вооруженных локальных конфликтах второй половины XVI – начала XVIII века.

⁷ Лисенко О. Повсякденна історія війни: методологічні нататки // Сторінки воєнної історії України: Зб. Наук. статей / Відп. Ред. О.С. Лисенко НАН України. Інститут історії України. К.: Інститут історії України НАН України, 2010. - Вип. 13. - С. 16.

⁸ Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. Монография. Тамбов: Юлис, 2004. - 508 с.

⁹ Кривошиий О. П. Гендерні виклики фронтової повсякденності козацького Запорозжя у науковому доробку українських істориків (1946-1991 рр.) // Українознавчий альманах. - К., 2013. - Вип. 11. - С. 141.

¹⁰ У. А. Шютца (Alfred Schutz) «жизненный мир» (« die Lebenswelt») - это мир повседневности. См. Белова А.В. Женская повседневность как предмет истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2006. - №4. - С. 94.

¹¹ Кривошиий О. П. Образ воєнної повсякденності шляхетних жінок ранньомодерної України на сторінках Літопису Григорія Грабянки // Григорій Сковорода і Паїсій Величковський: статті на тлі епохи: збірник наукових праць за результатами Всеукраїнської науково-практичної конференції, (м. Полава, 29 листопада 2012 р.) [до 290-річчя з дня народження] / [ред. кол.: Т. В. Оніпко, І. М. Петренко, В. В. Сарапин]. - Полтава: ПУЕТ, 2013. - С. 168-169.

¹² Кривошей А. Дискурс тыловой повседневности женщин козацкого Запорозжя в научном наследии украинского историка Дмитрия Яворницкого // «Женщины и мужчины в контексте исторических перемен»: Материалы Пятой международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории и Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Тверь, 4-7 октября 2012 г., - Москва: ИЭАРАН, 2012. - Т. 1 - С. 264-267.

¹³ Кривошиий О. П. Гендерні виклики фронтової повсякденності козацького Запорозжя у науковому доробку українських істориків (1946-1991 рр.) - С. 141-142.

Интерес к изучению женской повседневности эпохи козацко-татарско-шляхетских войн в украинской историографии впервые проявился еще в середине XIX века в работах историков Аполлона Скальковского, Пантелеймона Кулиша, Николая Костомарова, Владимира Антоновича, Иосифа Ролле, Ореста Левицкого.

Если первые два считали, что приводить женщин в Сич (укрепленный военный лагерь), как и заводить семьи запорожским козакам категорически запрещалось. А. Скальковский, например, утверждал, что «все чины и звания войска Запорожского, от кошевого в полкового хорунжего, получало только товарищество, то есть неженатые казаки, женатые же никакого чина и должности занимать не могли...»¹⁴. То, Н. Костомаров, В. Антонович, И. Ролле, и О. Левицкий напротив, настаивали на присутствии в культурном пространстве украинско-татарского пограничья¹⁵ разнообразных сценариев военной активности женщин.

По мнению Н. Костомарова, жены козаков не только были их помощницами, но «даже ходили с ними в походы»¹⁶. Отважная, способная сопротивляться неблагоприятным обстоятельствами бороться за себя украинская женщина, по мнению Костомарова, была достойна уважения и восхищения¹⁷.

В 1882 - 1883 годах на страницах журнала «Киевская старина» было начато формирование двух национально-ориентированных историко-феминистических дискурсов напрямую связанных с историей военной повседневности женщин Украины раннего Нового времени (А. Лазаревский, И. Новицкий, В. Антонович, И. Ролле, И. Пономарев) и козацкого Запорожья (А. Лазаревский, В. Антонович, И. Ролле, И. Пономарев О. Левицкий). Названные историки, опершись на массивы архивных и устных источников, настаивали на присутствии в культурном пространстве Украины раннего Нового времени героического образа «сильной женщины с оружием»¹⁸. По мнению этих исследователей, в письменных источниках и коллективной памяти украинцев сохранилось значительное количество сюжетов о военной активности элитных и ординарных женщин Украины XVI - XVIII ст., а также ряда героических женских образов¹⁹.

Разнообразные по содержанию, жанрам и форме публикации «Киевской старины» с позиционированной военно-феминистической компонентой охватывали достаточно широкий спектр проблем - от реконструкции отдельных сценариев фронтовой повседневности шляхетных женщин «украинного» пограничья XVI - XVII ст. до повседневных практик ординарных женщин козацкого Запорожья. Понятно, что они не были равноценными ни по глубине затронутых проблем, ни по характеру и

¹⁴ *Скальковський А.* Історія Нової Січі, або останнього Коша запорозького - Дніпропетровськ: Січ, 1994. - С. 74.

¹⁵ По мнению российской исследовательницы Анастасии Цыбульниковой наиболее военизированными являются женщины живущие или в пограничных районах, или в условиях междоусобных (внутренних) войн. В силу частого вовлечения в пограничные столкновения живущие в пограничных районах женщины, в большинстве своем, обладали не только специфическим военно-адаптированным менталитетом, но и вполне конкретными боевыми навыками (владение шашкой, кинжалом, ружьем и пистолетом). См.: *Цыбульникова А. А.* Феномен женской воинственности у народов Северного Кавказа (к постановке проблемы) // Федор Андреевич Щербина и народы Юга России: История и современность. – Краснодар, 2006. – С. 207-208.

¹⁶ *Костомаров Н.* Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI - начала XVIII ст. - Спб., 1860. - С. 103.

¹⁷ *Костомаров Н.* Черниговка. Быль второй половины XVIII века // Твори в двох томах. Т. 2. - К., 1990. - 582-739.

¹⁸ *Кривошій О. П.* «Сильна жінка» зі зброєю в українському історіографічному дискурсі XVI - XIX ст. // Київська старовина. 2012. - №1(403). - С. 16-34.

¹⁹ *Кривошій О. П.* Амазонки і «амазонство» в українській фольклорній традиції та історіографії другої половини XIX - першої третини XX ст. // Київська старовина. 2012. - №4(406). - С. 55-71.

научной значимости. Однако, акцентируя внимание ученых и широкой читательской аудитории Украины²⁰ на повседневной жизни женщин Украины раннего Нового времени в условиях войн, революций и вооруженных локальных конфликтов, служили дальнейшему развитию исследований в этой отрасли исторического знания.

Первым к осмыслению проблемы повседневной жизни женщин Украины раннего Нового времени в условиях войн, революций и вооруженных локальных конфликтов обратился Александр Лазаревский²¹. На страницах январского номера журнала за 1882 год он опубликовал сюжет о повседневных практиках третьей жены гетмана Украины Богдана Хмельницкого Анны Золотаренко. Историк обратил внимание на тот факт, что «гетманша», при немом согласии старшинского окружения, иногда перебирала на себя, полномочия «полновластного правителя страны» - гетьмана Войска Запорожского Низового и выдавала Универсалы. Со слов А. Лазаревского «1655 года июля 22 дня» Ганна Золотаренко выдала «универсал от гетмановой Богдановой Хмельницкой Анны, приказующий обывателям прилуцким, в грунта бы до монастыря от княжат Вишневецких наданные и универсалом и малжонка (мужа) ей, гетмана Хмельницкого конфирмованные, не втручались и жадных бы перешкод не чинили, под виною тысячи талярей до скарбу войскового и под суровым каранем»²². В этом контексте стоит иметь в виду тот факт, что, в указанный период Универсалы были в Украине наиважнейшими государственными документам которые носили характер манифеста или хозяйственно-административного акта наделенного высшей юридической силой относительно других правовых документов.

На страницах апрельского, за тот же 1882 год, номера журнала свет увидел сюжет историка Ивана Новицкого о военной активности волынской княгини Софии Ружинской²³. Историк обратил внимание на тот факт, что княгиня София, оставаясь, после отъезда мужа, кн. Романа Ружинского на войну (князь руководил войском Лжедмитрия II в походе на Москву (1608-1610 гг.)) «на хозяйстве» и «соревнуя, вероятно военной славе своего мужа и желая показать себя вполне его достойною, устроила грандиозный даже для того времени наезд на соседнее имение князей Корецких, местечко Черемошну»²⁴.

Пригласив в главные распорядители орендатора Ружина господина Кшиштофа Кевлича, а при нем орендатора Котельной Бодзинского, она «собрала вооруженный отряд из бояр и крестьян всех своих имений», заручилась поподдержкой князя Адама Ружинского и разных соседних владельцев., - всего в ее войске насчитывалось до шести

²⁰ Киевскую старину» выписывали не только в Украине, но и в разных городах Российской империи - Москве, Петербурге, Тифлисе, Самаре, Твери, Туле, Симбирске, Астрахани, Риге, и тому подобное. Кроме того, журнал читали за пределами государства: во Львове, Черновцах, Вене, Париже, Мадриде, Праге, Гейдельберге (Германия), и Цюрихе (Швейцария). В «Адресную книгу иногородних и заграничных подписчиков «Киевской старины» за 1890 г. было внесено 21 адрес заграничных подписчиков. Посылали «Киевскую старину» и в Женеву «неблагонадежному» М. Драгоманову.

Еще шире выглядит география подписок на «Киевскую старину» публичными, общественными и студенческими библиотеками Российской империи: Вильно, Ростов-на Дону, Воронеж, Дерпт (см.: НБУ им. В. И. Вернадского. - Ф. 112. ед. хр. 111, 112, 136), Симбирск, Кронштадт (НБУ им. В. И. Вернадского. - Ф. 112. ед. хр. 134, 135), Томск и др. В 1889 году Департамент Министерства народного образования рекомендовал этот журнал для фундаментальных библиотек всех средних учебных заведений Российской империи. См.: *Негодченко О. П.* Журнал «Киевская старина» (1882-1906) як оригінальне та унікальне явище української культури // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. - Запоріжжя: Просвіта, 2007. - Вип. XXI. - С. 355.

²¹ *Лазаревский А.* Властная гетьманша // Киевская старина (далее КС). - 1882. - Т.1. - №1. - С. 213-214.

²² *Лазаревский А.* Властная гетьманша - С. 214.

²³ *Новицкий И. П.* Князя Ружинские // КС. - 1882. - №4. - С. 58-84.

²⁴ *Новицкий И. П.* Указ. соч. - С. 78.

тысяч человек²⁵. С этим отрядом «с великой арматой, с пищалями, пушками, ружьями, мушкетами, колчанами, с копьями, рогатинами, и иным войне надлежащим оружием, конно и пешо, оружно, со знаменами, бубнами, трубами и литаврами, обычаем вражеским» воинственная княгиня Ружинская напала на городок Черемошку.

Для нас в этом контексте наиболее важным будет факт осознания автором публикации присутствия в культурном пространстве «украинного» пограничья Речи Посполитой военной повседневности шляхетных женщин. Новицкий подчеркнул, что именно княгиня устроила грандиозный этот наезд, то есть стала его инициатором, пригласив в главные распорядители опытных пограничных урядников и «собрала вооруженный отряд из бояр и крестьян всех своих имений». А это значит, что военному походу предшествовал определенный организационно подготовительный период - комплекс повседневно бытовых реалий, что его сопровождали - сбор и расквартирование шеститысячного войска, военные заготовки, вооружение личного состава, обеспечение повседневных потребностей жизнедеятельности как отдельных воинов, так и военного формирования, в целом.

Становится очевидным, что именно по «умыслу» кн. Ружинской происходила комплектация войска и его вооружение. Документы о вооруженных наездах шляхты на имения ближних и дальних соседей составляют более трети от общего количества сохранных до наших дней актов об имениях²⁶.

В апреле 1883 года на страницах «Киевской старины» была опубликованная рецензия Владимира Антоновича²⁷ на книгу историка Д-ра Антония I «Niewiasty kresowe» - «Женщины окраин», которая незадолго перед тем увидела свет в Варшаве. Ее автор почти неизвестен украинской общественности, но талантливый польский историк и беллетрист Иосиф Ролле, печатающийся под псевдонимом «D-г. Antonij I.», обстоятельно ознакомившись с комплексом документальных источников Волыни и украинского Подолья XVI - XVIII вв., обратился к рассмотрению проблематики связанной с историей военной повседневности женщин «украинного» пограничья.

Работая с документами из частных архивов и библиотечных учреждений Подолья и Волыни И. Ролле обратил внимание на тот факт, что, обнаруженные им письменные источники отражают, малоизвестные до того, сценарии фронтовой и тыловой повседневности женщин Украины XVI - XVIII вв. Сгруппировав выявленный архивный материал, он, сквозь призму собственного видения, реконструировал существующие в тогдашнем украинском пограничном социуме особенности социальных отношений и культурных процессов. В трудах историка, наиболее энергичные женщины восточных окраин Речи Посполитой вели себя как мужчины и воплощали достойный для наследования архетип женщины-воительницы, степной амазонки. «Увиденные» В. Антоновичем в книге Д-ра Антония и осмысленные в рецензии сценарии военной повседневности женщин Украины XVI - XVIII ст. вскоре позвали к появлению на страницах «Киевской старины» серии материалов, которые были прямо или опосредовано посвящены рассмотрению проблемы присутствия в культурном пространстве Украины раннего Нового времени военной повседневности женщин. Почти следом за рецензией, под заголовком «Украинские женщины», в журнале появились переведенные на русский язык исторические рассказы И. Ролле из книги Niewiasty kresowe²⁸. Редакторы июньского, за 1883 год, номера «Киевской

²⁵ Там же.

²⁶ Боряк Г. В. Административно-территориальное устройство украинских земель в конце XV - середине XVI в. (Анализ документальных источников): Дис. ... канд. ист. наук. - К., 1987. - С. 78.

²⁷ В. А. [Антонович В.] Рец. на кн.: «D-г. Antonij J. Niewiasty kresowe. - Warszawa, 1883. Д-р Антоній I. - Женщины на окраинах. Варшава 1883 г.» // КС. - 1883. - №4. - С. 873-876.

²⁸ Д-р. Антоній I (Ролле И.И.) Украинские женщины: Исторические рассказы // КС. - 1883. - №6. - С. 268-

старинны» «решились передать читателям в возможно точном переводе те очерки из этой книги, которые представляют типы украинской женщины XVI - XVII в. выросшей в пределах Ричи Посполитой.»²⁹. Широкая читательская общественность, впервые, узнала о том, что украинские женщины XVI - XVII ст. принимали активное участие в войнах, революциях и разнообразных вооруженных локальных конфликтах, организовывали нападения, выдерживали осады замков, нанимали на службу вооруженные отряды и часто давали битвы. Именно в этой работе историк сделал первую, в украинской историографии попытку вписать в контекст истории казацкого Запорожья, сюжет об активном участии шляхетных женщин в обменах и выкупах пленников (структура тыловой повседневности) которые, в течение многих лет, проводились в Запорожской степи под Переволочной³⁰.

Другая работа И. Ролле из его феминистического цикла, напечатанная в «Киевской старине», была посвящена женщинам при Чигиринском дворе во второй половине XVII в.³¹ На страницах этого исследования женской повседневности Чигиринского двора между сценариями будничной жизни элитных женщин Украины второй половины XVII ст. проглядывают и типологизованные сценарии военной повседневности женщин казацкого Запорожья. Исследователь, обратил внимание на то обстоятельство что, во время боевых действий женщинам, часто приходилось искать убежища в козацких обозах и делить с козаками (воинами) все трудности и тревоги их походной жизни. Названные историком женщины, в большинстве случаев, были женами, сестрами, любимыми, любовницами и пленницами козаков-запорожцев. И. Ролле первым высказал мысль о том, что казаки «часто обнаруживали склонность к бракосочетанию»³². Со слов Ролле, среди козацких жен были не только «местные по происхождению» женщины, но и шляхетные польки, еврейки, молдаванки, армянки, и даже, иногда, татарки. При захвате городка Тульчин «отряды козацкого полковника Кривоноса захватили много красивых женщин и девушек, как полек, так и евреек. Случаи бракосочетания запорожцев с захваченными в плен женщинами, за наблюдением историка, были скорее нормой, чем аномалией запорожского козацкого товарищества. Таким образом вступали в брак не только рядовые казаки, но и козацкая старшина.

В ноябрьском номере журнала за 1883 год редакция напечатала письмо князя Константина Острожского, воеводы киевского, к сыну Янушу, каштеляну краковскому, датированное 7-ым мая 1607 года. В этом письме князь Константин Константинович Острожский пишет своему старшему сыну Янушу о воинственном поведении его жены княгини Екатерины и выражает свой взгляд на южно-русскую женщину тех времен: «века повторяются, - это вторая Амазонка» - пишет князь о своей невестке»³³. Творцы журнала в коротком предисловии к публикации заметили, что это именно тот взгляд «к которому пришел польский историк доктор Антоний I, после многолетних архивных изысканий, представивший увлекательные и крайне оригинальные типы украинской женщины XVI и XVII ст. и схваченные светлым и проницательным умом князя Острожского...». К. Острожский писал о том, что его невестка постоянно конфликтовала посредством своих наемных воинов (почот княгини) то с князем Черторыйским, то с

309.

²⁹ Д-р. Антоній I Указ соч. - С. 268.

³⁰ Д-р. Антоній I (Ролле И.И.) Украинские женщины: Исторические рассказы - С. 273.

³¹ Д-р. Антоній I Женщины при Чигиринском дворе // КС. - 1894. - №1. - С. 107-126; №2. - С. 282-304; №3 - С. 512-529.

³² Там же - С. 149.

³³ Письмо князя Константина Острожского, воеводы киевского, к сыну его Янушу, каштеляну краковскому. 7 мая 1607 года // КС. - 1883. - Т. 7. - №11. - С. 477-480.

духовенством и наконец с его собственными слугами³⁴.

Но особенно ценным для нашей темы является наблюдение о том, что со второй половины XVII ст. «тип шляхетной женщины в юго-западном крае изменился». Женщины Украины стали более пассивными, «не отличающимися ни буйством нравов, ни своеволием, и мужественно переносящие бедствия которые обрушивались на них вследствие незащищенности края...»³⁵. Это свидетельствовало о появлении в украинском научном пространстве новых подходов в исторической науке, что должно было сопровождаться изменением методологической парадигмы. А именно: труды написанные на основе архивных источников, предлагалось рассматривать как один из источников по истории военной повседневности и психологии женщин Украины раннего Нового времени.

Большой спектр военно-исторически-феминологической проблематики было представлено в публикациях украинских фольклористов Бориса Познаньского, Ивана Новицкого, Ивана Пономарева, Владимира Каллаша, Чеслава (Цеслава) Неймана, Василия Доманицкого, Елены Пчилки, в которых сквозь призму изучения народного песенного творчества анализировались структуры женской повседневности военной эпохи. Исследования «О Бондаривне и пане Каневском»³⁶, «Запорожская песня»³⁷, «Малорусская паленица»³⁸, «Украинские колядки»³⁹ давали богатый материал для реконструкции моделей женского поведения в условиях войн, революций и вооруженных локальных конфликтов, которые происходили в украинских землях в XVI-XVIII вв.. Однако, в большинстве случаев внимание исследователей направлялось прежде всего на историческую фабулу фольклорного источника, а не на психологический или военно-антропологический анализ сюжета, хотя именно они могли представлять очевидный интерес для понимания индивидуальной и коллективной психологии женщин эпохи украинских катастроф раннего Нового времени.

На меже XIX и XX ст. к разработке означенной в теме обратился историк и фольклорист Дмитрий Яворницкий. Его наблюдения относительно присутствия женской составляющей в культурном пространстве козацкого Запорожья и участия женщин в формировании традиций запорожского-козацкого социума были сделаны в соответствии со сформулированным в течении первой половины XIX ст., «официальным» взглядом, на запорожское козачество и историю женщин козацкого Запорожья. Оттолкнувшись, главным образом, от свидетельств российского инженера Семена Мишецкого, немецкого ученого-путешественника Христофора Манштейна⁴⁰ и трудов упомянутого выше А. Скальковского историк повторил сформулированный в

³⁴ Там же - С. 479.

³⁵ В. А. [Антонович В.] Рец. на кн.: «D-г. Antoni J. Niewiasty kresowe. - Warszawa, 1883. Д-р Антоній І. - Женщины на окраинах. Варшава 1883 г.» - С. 875.

³⁶ Познанский Б.С. Две старые украинские песни и по поводу их – 1885. - № 10. - С. 220 - 242; Новицкий И. Два слова о пане Каневском (По поводу статьи «Две старые украинские песни», Киевская старина, октябрь) // КС. - 1885. №11. - С. 554 -556; Нейман Ц. Малорусская баллада о Бондаривне и пане Каневском (Страничка из народного эпоса) // КС. - 1902. - №3. - С. 347-390; Познанский Б.С. По поводу статьи Неймана о Бондаривне - 1902. - № 5, отд. 2. - С. 96 - 101; Варианты к песне о Бондаривне // КС. - 1902. - №5. - С. 99-101; Доманицкий В. Балада о Бондаривне и пане Каневском: Новые варианты и литература песни // КС. - 1905. - №3. - С. 480-494; Л.М. Еще варианты малорусской балады о Бондаривне / Л.М. // КС. - 1905. №10-12. - С. 9-12.

³⁷ Пономарев И. Запорожская песня // КС. - 1887. - №8. - С. 587-588.

³⁸ В. К-ш [Каллаш В.] Малорусская «паленица» (женщина богатырь) // КС. - 1887. - Т. 19. - №9. - С. 196-197.

³⁹ Пчилка О. Украинские колядки: (Текст волынский) // КС - 1903 - Т. 80. - №1 - С. 152-175; Т. 81 - №4 - С. 132-160., №5 - С. 192-220, 347-394.

⁴⁰ Яворницкий Д. І. Історія запорізьких козаків: У 3 т. - Львів: Світ, 1990 - Т.І. - С.115, 181.

первой половине XIX в. штамп о запрещении появления женщины в пределах казачьего лагеря - Сичи *«будь она даже матерью, сестрой или посторонней для казака женщиной»*, и о пренебрежительном отношении казаков к прекрасному полу: *«рыцарю - рыцарская честь: ему нужно воевать, а не возле женщины пропадать»*⁴¹. Анализ научно-творческого наследия Д. Яворницкого в контексте исторической феминологии неопровержимо доказывает тот факт, что историк в своих выводах опирался не на нарративы современников - поэтов, путешественников и дипломатов посещавших Юг Украины в XVI - XVIII вв. и фольклорные традиции жителей Южной Украины, а на постулированные российской историографией схемы «единорусского» (украинские ученые обязаны были считать российскую историю и культуру своей)⁴² потока. В соответствии с этими схемами рассматривалось и положение женщины в запорожском казачьем социуме.

В начале XX в. к разработке темы «женщина и запорожское козачество» подключился авторитетный украинский историк, археограф, архивист и этнограф Орест Левицкий. Его наблюдения относительно присутствия «женского» в обычном праве казаков-запорожцев были сделаны благодаря осмыслению комплекса устных (фольклорных) исторических источников.

В 1900 году на страницах журнала «Киевская старина» увидела свет статья О. Левицкого «Обычные формы заключения браков в Южной Руси в XVI - XVII вв.»⁴³. В этой статье историк рассмотрел уникальный для украинского социума конца XIX - начала XX в. случай заключения брачного соглашения между запорожцем и женщиной, который был отражен в воспоминаниях бывшего запорожского казака Никиты Леонтиевича Коржа⁴⁴. Со слов рассказчика, в городе Самаре (нынешний Новомосковск, Днепропетровской области), однажды вели к месту казни осужденного на смерть казака-запорожца. Неожиданно, на дороге появилась девушка под белым покрывалом. Она подошла к осужденному и при всем честном народе, (с немного согласия окружающих ее людей - **А.К.**) заявила о своем желании взять преступника в мужа (спасая, таким образом, от смерти - **А.К.**). Установив историческую достоверность описанного выше обычая О. Левицкий в январе в 1905 года опять возвращается к этой неординарной проблематике и делает вторую попытку выяснить откуда и как возник в украинских землях этот оригинальный воинский обычай?⁴⁵ Однако вразумительного ответа на вопрос когда и почему этот обычай «прижился» в запорожском казачьем социуме, историк не дал.

Несмотря на то, что в научном наследии Михаила Грушевского специальных обобщающих трудов на тему военной активности женщин Украины нет, однако в его работах есть уникальные сюжеты, которые свидетельствуют о формировании постоянного историко-феминологического интереса ученого к этой проблематике. Вопросы, касающиеся опыта участия женщин в козачьих войнах достаточно широко представлены в его исторических исследованиях. Так, в работе «Про батька козачьего Богдана Хмельницького»⁴⁶ историк, рассказывая об ожесточенных боях казаков Богдана Хмельницького с поляками отметил то, что не только «мужчины, но и женщины,

⁴¹ Яворницький Д.І. Указ соч. - Т. I. - С. 181.

⁴² Буряк Л. Жінка і політика в українському історіографічному дискурсі (друга половина XIX - перша третина XX ст.) // Пам'ять століть. - 2010. - №4-5. - С. 19.

⁴³ Левицкий О. Обычные формы заключения браков в Южной Руси в XVI - XVII вв. // КС. - 1900. - №1. - С. 1-15.

⁴⁴ Левицкий О. Указ соч. - С. 14.

⁴⁵ Левицкий О. Обычай помилования преступника избранного девушкой в мужа // КС. - 1905. - №1. - С. 89-97.

⁴⁶ Грушевський М. Про батька козачього Богдана Хмельницького. - К., 1909. - 67 с.

отважно дрались...»⁴⁷.

В советское время традиция осмысления истории военной повседневности женщин Украины раннего Нового времени была продолжена в работах украинских историков Натальи Мирзы-Авакянц⁴⁸, Евгения Маланюка⁴⁹, Игоря Лоського⁵⁰ и других. По утверждению этих историков воинственность украинских женщин, а также их паритет во взаимоотношениях с мужчинами были характерными чертами украинского пограничного социума XVI - первой половины XVII века⁵¹.

Трудами Н. Костомарова, И. Новицкого, А. Лазаревского, В. Антоновича, И. Ролле, О. Левицкого, Н. Мирзы-Авакянц, Е. Маланюка, И. Лоського военная повседневность женщин Украины раннего Нового времени была выделена из общего массива традиций украинцев и короткими сюжетами вписана в историю запорожского козачества и украинского козацкого войска XVI - XVII вв..

Анализ зафиксированных в работах этих историков сценариев военной активности женщин Украины раннего Нового времени (женская повседневность военной эпохи) неопровержимо доказывает, что освоение женщинами «украинного» пограничья XVI - первой половины XVII века традиционно мужских ролей воина, лидера микрогруппы, защитника отечества было не агрессивным вызовом бунтующих против религиозного, классового или гендерного порядка женщин, а одной из форм (стратегий) их выживания в агрессивном, «пронизанном» войной пограничном социуме.

⁴⁷ Грушевський М. С. Про батька козацького Богдана Хмельницького - Дніпропетровськ: Січ, 1993. - С. 38.

⁴⁸ *Мірза-Авакянц Н.* Українська жінка в XVI - XVII ст. - Полтава., 1920. - 94 с.; Ее же: На кресах / Н. Мірза-Авакянц // Червоні квіти - 1924. - Ч. 10. - С. 3-22.

⁴⁹ *Маланюк Є.* Жіноча мужність // Нова хата - 1931. - Ч. 12. - С. 2-4.

⁵⁰ *Лоський І.* Українська жінка в козацьку добу // Жінка (Львів). - 1935. - серпень, ч. 15-16. - С. 6-9.

⁵¹ *Кривошій О. П.* Дискурс тилової повсякденності ординарних жінок України першої половини XVII ст. у науковій спадщині Ореста Левицького // Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та аспірантів. - К.: Інститут української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського НАН України, 2012. - Вип. 24. - С. 53-70.